

Дружба
народов

Герольд
БЕЛЬГЕР

Дом
ский талъца

Л 2007
8648к

RARITY

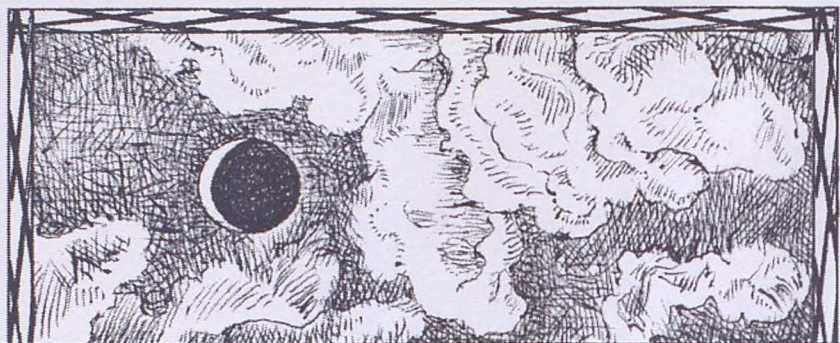
PUBLISHING
COMPANY Ltd

Герольд Бельгер

Дом скитальца

Роман

Алматы
«Раритет»
2007

Дружба
народов

Герольд
БЕЛЬГЕР

Дом ски талца

Роман

RARITY

PUBLISHING
COMPANY LTD

ББК 84 (Каз-Рус) 7-44

Б44

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Выпущено по программе Комитета информации и архивов
«Выпуск социально важных видов литературы»

Серия выходит в свет с 2002 года

Автор проекта «Алтын қор» — *З. Сериккали*

Автор художественного оформления серии — *А. Тленшиев*

Разработка серии «Дружба народов» — *Р. Маженкызы*

Бельгер Г.

Б44 Дом скитальца: Роман. — Алматы: Раритет,
2007. — 384 с. — Библиотека «Алтын қор».

ISBN 9965-770-49-2

В романе отражена трагическая и драматическая судьба российских немцев, депортированных в 1941 году в Казахстан, в нем описываются нелегкий процесс вживания переселенцев в новую среду, высокие, добрые человеческие отношения между коренным населением и переселенцами, тернистый путь к торжеству справедливости, гуманизма, благородства, подлинного единения и дружбы народов.

Временной отрезок повествования — 1941—1956 годы с экскурсами в жизнь и быт немцев Поволжья в 20—30-е годы. В жизни трех поколений одной немецкой семьи отразилась живая история народа, огульно подвергшегося гонению в годы лихолетья и обретшего в Казахстане приют и надежду.

ББК 84 (Каз-Рус) 7-44

Б 4702010201—24
413(05)—07

© Бельгер Г., 2007

© Издательская компания «Раритет», 2007

© Художественное оформление М. Палаткина, 2007

ISBN 9965-770-49-2

ЛЕГКО ЛИ ОБРЕСТИ РОДИНУ? (Вместо предисловия)

Исповедально-биографическая проза в своем чистом, беспримесном виде достигает неизбежно почти каждого крупного литератора, подтверждая правоту сказанного классиком: «Писать хорошо и правдиво — то же самое, что копать иголкой колодец». Примеров тому в любой национальной литературе столько же, сколько самих ее творцов: Руссо, Роллан, Горький, Шакарим, Неруда, Сейфуллин, Серебрякова, Снегин, Шухов, Нурпеисов, Муратбеков, Нуршаихов, Космериди, Матвеев...

Правда, одни окунаются в эту прозу едва ли не с самого начала своего творческого пути. Другие же приходят к ней намного позже, однако без особого отождествления ее с мемуарным жанром. Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, других престижных отличий, заслуженный работник культуры, кавалер ордена «Парасат» Герольд Карлович Бельгер — из числа этих других.

Он известен как талантливый переводчик, прозаик, публицист, критик, литературовед, да еще к тому же и активный общественный деятель. Около сорока его разножанровых книг изданы в Казахстане, России, Германии. Им переведено с казахского и немецкого языков на русский свыше 200 художественных произведений, обнародовано на этих же языках не менее 1300 статей и эссе.

Его роман под названием «Дом скитальца» представляет собой триптих, обозначенный именами его главных героев — «Давид», «Христьян», «Гарри». Надо сразу оговориться о вящей условности определения — исповедально-биографический. С таким же успехом эту книгу можно отнести к разряду романа-судьбы, романа-события, социально-психологического или

же национально-исторического романа. Охваченное Бельгером время действия (точнее — трагических действий и не менее трагических бездействий) включает 13 сталинских лет и три года десталинизации.

Казалось бы, что нового можно сказать об этом жутом, страшно противоречивом периоде отечественной и мировой истории? Но «Дом скитальца» — книга эпопейная, резко-контрастная, библейски масштабная и — сугубо личностная. Она добавляет немало к тому, что уже давно известно. Вплоть до извлечений из Корана и постановлений, подписанных Молотовым, о которых до сих пор у большинства читателей нет никакого конкретного представления.

Высокая летописная точность (вот где писателю сгодились его подробные дневниковые записи!) и честная документальная строгость заботливо обрамлены в романе ласковой поэтичностью, беззлобным юмором, а когда надо, то и беспощадным сарказмом.

Роман уверенной рукой мастера создан на русском. Но так и хочется сказать: преимущественно на русском. Ибо новое произведение очень удачно (и, пожалуй, впервые в нашей многонациональной литературе) сочетает красочные аппликации казахского и немецкого языковых слоев, особенно в диалогах, как всегда у Бельгера, жизненно достоверных. Персонализация речи завздравотделом Яковчука, председателя аулсовета Газиза, кузнеца Есильбая (русского, ставшего казахом), директора школы Жанахмета, бригадира Абу, колхозника Ситходжи, других действующих лиц колоритна и, можно так сказать, очень зрительна.

Буквально за каждым конкретным речением выпукло видится живой персонаж — таким редкостным умением изображать точным глаголом, а не пространном описании обладали (и обладают) у нас немногие романисты.

В жизненных перипетиях Гарри Иосифовича Вальтера немало авторски фактографичного (и фотографичного), явственно напоминающего трудные (и все-таки по-своему счастливые) пути-дороги самого писателя. А иные персонажи взяты прямо из жизни и даже не переименованы. Такие, например, как Герой Советского Союза, панфиловец Малик Габдуллин или же окончивший еще до войны казахскую школу, тоже фронтовик, крупный комсомольский (а впоследствии и партийный) работник, глубоко человечный Анатолий Федорович Шалов...

Прекрасно выписаны женские образы, особенно первая любовь Гарри Вальтера, чуткая, понимающая все Багира. Хороша

трудолюбивая, нежная юная немка Олькье-Оленька, ставшая Давиду Эрлиху верной спутницей жизни. Колоритны библиотекарь Зайра, медицинская сестра Лидия Истратова.

Совершенно неспроста автор посвятил книгу своему отцу — старейшему медицинскому работнику Карлу Фридриховичу Бельгеру, увы, ушедшему из жизни. Но доброй памяти о нем теперь уже всегда жить в сердцах многих благодарных людей самых разных национальностей. Именно в многотрудной судьбе Карла Фридриховича, как и в судьбах всех его родных, отразилась драматическая юдоль советских немцев Поволжья, оказавшихся вскоре после начала Великой Отечественной войны в далеком от отчей Волги Центральном Казахстане.

И нравственно-сюжетной кульминацией книги Бельгера является как раз постройка дома для спецпереселенца фельдшера, члена ВКП(б) Давида Павловича Эрлиха. Добротный сосновый дом ему, полюбившемуся всему честному люду казахского аула «Кызыл Ту» («Красное Знамя») и других казахских селений окрест, строится по проекту, который расчертил его брат Христьян, умерший в этом же ауле от непосильных тягот войны.

И это не простой дом. Это дом — мечта. А явью эту мечту делают вовсе не какие-то волшебники, а все, кто по достоинству оценил честность и трудолюбие Эрлиха, его бескорыстие и открытость, ну и, конечно же, великолепный профессионализм.

«У каждого человека должно быть место на земле. И нет чужой земли. Надо быть благодарным земле, где живешь, тогда и она тебя отблагодарит, воздаст сторицей», — напряженно думает Эрлих после встречи с «оппозиционером» Вагнером. Тому явно не по душе затеянное строительство, сама внезапно проявившаяся «оседлость» вчерашнего скитальца Эрлиха (читай: Бельгера-старшего). Но, поразмыслив, Вагнер неохотно капитулирует и тоже посильно готов помочь в общем деле.

И тут сразу же вспоминается мне более чем 30-летней давности скромная книга рассказов Герольда Карловича «Сосновый дом на краю аула». Вот она-то, по сути, и стала тем щедрым плодоносным зернышком, из которого вырос зрелый и полновесный колос романа-эпопеи.

Здесь главный пункт у Бельгера прост и ясен: ежели скитальцу Эрлиху именно такой дом строится всем, как говорил Толстой, миром (то есть всем обществом), то этот человек уже не скиталец.

Что же случается? Что же в принципе происходит на казахской земле с участием почти всех персонажей этой книги?

А происходит то, наверное, что не случилось бы ни в каких других закордонных землях, ни в ближних, ни в дальних. Ни в Штатах и ни в Канаде. Вершится самое значимое для рожденного жить, а именно: человек, еще во многом поднадзорный, но ощутивший на себе подлинную признательность сограждан, обретает высокое чувство истинной родины и ее самоё.

Нет, он никогда не забудет своей Волги, она всегда будет с ним в его большом сердце. Но вместе с нею, теперь уже тоже навсегда, в этом сердце до самого последнего удара будет жить искренняя благодарность древней земле казахов и ее честным людям. Ибо не та мать, которая родила, а та, которая помогла тебе стать человеком, не формально, а по-настоящему нужным другим согражданам. Доминанта книги в бессмертном Абевском: «Адам бол! — Будь Человеком!»

Будь им везде, всегда, во всем.

Таковы лучшие герои и героини романа. Они всегда нужны всем.

Таков и сам автор.

Он тоже нужен всем. Со всеми его книгами и статьями. Со всеми его поступками и действиями. Даже если не все из них своей безустально-ершистой прямотой кому-то по нраву. Но Бельгеру это не убавляет принципиальной бескомпромиссности. Он всегда знает и помнит: писатель перестает быть людской совестью, когда забывает о собственной или же начинает поигрывать с нею в прятки.

*Владислав ВЛАДИМИРОВ,
заслуженный работник культуры Казахстана*

*Посвящается моему отцу
Карлу Фридриховичу Бельгеру*

Часть первая

ДАВИД

Но где мой дом и где рассудок мой?

А. Ахматова

I

Согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 г., Государственным Комитетом Обороны преподан следующий план вселения немцев в Казахскую ССР:

6 сентября 1941 г. — 163600 человек

21 сентября 1941 г. — 142000 человек

22 сентября 1941 г. — 110000 человек

Всего — 415600 человек.

(Сведения о потребностях жилищного строительства и хозяйственного обустройства переселенцев. Не ранее 2 октября 1941 г.)

— Кхм... значит, военный лекарский помощник РККА? — Заведующий райздравотделом, крутоплечий, лысый, с густой щетиной рыжих усов, хмуρο перебрал документы.

— Да.

Он исподлобья смерил рослого, поджарого, узколищею молодого мужчину, почтительно застывшего в двух шагах от стола, и задумался. Потом принялся листать трудовую книжку.

— Присаживайтесь, пожалуйста. В ногах правды нет.

Уткнулся в последнюю запись. «Освобожден от обязанности завкантонздравом Гнаденфлюрского кантона АССР НП в связи с Указом Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 года».

Опять похмыкал, покрякал, лысину почесал.

Когда-то он неплохо знал тот край — Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья. В уютном Маркштадте проходил практику у кудесника-хирурга. Правда, с тех пор много воды утекло и в Волге, и в Ишиме. Но кое-что еще жило в памяти. Можно б было порасспросить кое о чем этого белобрысого, длинноносого лейтенанта медицинской службы. Да только сейчас не время и не место для досужих воспоминаний.

И Указ, на который ссылается запись в трудовой книжке, ему известен. Известен, да непонятен. То, о чем говорится в том Указе, не укладывается в его сознании. Никак не укладывается. Но кто знает... Время смутное. Помнится, в том Указе так и сказано: «По законам военного времени...», «во избежание кровопролития...». Бес его знает, что это за законы такие... Нет, обо всем этом не поговоришь. Тем более с человеком, которого и видишь-то впервые. Может, когда-нибудь позже, при случае, вне этих стен. А пока лучше держать язык за зубами.

— Меня прислали к вам из райкома, — напомнил посетитель.

Заврайздравотделом хмыкнул, уловив в его речи знаковый немецкий акцент.

— Знаю, знаю... Успели предупредить.

«Прислали из райкома»... Ясно, на что намекает. Выходит, партбилета не лишили, как это обычно делается со многими спецпереселенцами. Значит, пока что не всех под одну гребенку стригут. Что ж... прошел, видно, проверку. Надежен. Как-никак в Ленинграде учился, семь лет в Рабоче-Крестьянской Красной Армии отслужил — не шутка. Да и отделом здравоохранения заведовал в кантоне... как там... Гнаденфлюрском. Бывшем, надо полагать. Теперь-то там в спешном порядке все переименовали. Никаких, должно быть, манхаймов, мариенбурггов, зихельберггов и в помине не осталось. Разве что на старых картах...

Яковчук грузно откинулся на спинку стула, пресек все непрошенные думы, посмотрел на посетителя прямо, пристально.

— Значит, так, коллега. Медработников здесь во как не хватает. — Он резко провел ребром ладони по горлу. — Работы невпроворот. А тут еще и военкомат каждый божий день повестки шлет. Отправлю-ка я вас, мил-человек, в одно место, где...

— Где Магар делят не конял? — улыбнулся посетитель.

У заведующего тоже раздвинулась щетка усов.

— Не знаю, как насчет Макара и телят, но где уже два месяца девять населенных пунктов — все они, заметьте, входят в один радиус — фельдшера не видят. Вот так-то. Будете заведовать фельдшерско-акушерским пунктом. С райкомом все обговорено. Не побоитесь?

— Пуганый вроде.

— Добрэ, добрэ... Сейчас же напишем приказ, и можете отправляться в Кызыл-ту.

— Как, простите? Кы... Киз... ту...

— Да, да. Кызыл-ту. Казахский аул. Колхоз.

— Далеко?

— Километров, пожалуй, двадцать-тридцать отсюда. Заведующий размашисто расписался, брякнул печатью, подал направление.

— Примите медпункт и приезжайте за медикаментами. Сразу предупреждаю: на многое не рассчитывайте. Сами понимаете. Ну, как говорится, всяческих удач!

Нахмурился, встопорщил усы, подал руку. Тяжелую, мясистую, с густой рыжей шерстью на запястье.

Начало вселяло надежду.

Мягкие лучи осеннего солнца ровно струились над безлюдным пыльным районным центром.

Часа два он послонялся в поисках попутной подводы. В районной столовой ему посоветовали посидеть у моста: может, бензовоз или из фермы кто проедет. Он наспех проглотил котлету, выпил стакан блеклого, остывшего чая и отправился к мосту. Шел не торопясь, но шагисто, легко, часто останавливался, оглядывался по сторонам. В одной руке нес футляр, за спиной горбился тугой рюкзак.

Всплыли в памяти строчки из детской песенки:

Hänschen klein ging allein
in die weite Welt hinein...

Путник усмехнулся. Да, да... маленький Гансик один-одинешенек в путь отправился по белу свету... Вот и ему, хотя он и не маленький Гансик, выпала та же доля.

Вокруг простиралось все незнакомое, непривычное.

Он еще не отошел от суматохи последних недель, от ужаса и горя выселения, от вселенской растерянности, от толчеи и давки на станциях, от вагонной тряски в долгом, скорбном пути в неведомое. Он старался не думать о том, но гул пронесшегося смерча еще стоял в ушах, и тревога вкупе с неясностью, неопределенностью саднили душу.

Детская песенка про маленького Гансика не выходила из головы.

Sieben Jahr, trüb und klar,
Hänschen in der Fremde war...

Бедный Гансик... семь долгих лет мыкался на чужбине. Неужели и ему, Давиду Эрлиху, отпущен столь долгий срок? Такое и представить немислимо...

День млеял в осенней благодати. Призрачными чудились и безбрежность, и тишь. Солнце на чистом, без единого облачка, небе щедро поливало все окрестности. В сухой, прозрачной голубизне тянулись-плыли невесомые серебристые паутинки. На обочине дороги митинговали вороны. Грусть окутала березовые колки за рекой.

У шаткого, захламленного прошлогодним сеном и навозом моста он остановился, скинул рюкзак, прислонил к нему футляр и опустился на нагретый за день песок. У ног вяло текла река. Узкая и мелкая под мостом, она немного поодаль, за каменным выступом, разливалась широко и далеко. Безлюдно здесь было. Только на противоположном берегу, недалеко от моста, под раскидистым кустом сидел мальчишка с удочкой. Вдоль берега паслась стая гусей.

Никто не проходил, не проезжал. Он почувствовал тупую усталость. Разулся, лег на песок, закинув за голову руки, и долго смотрел в небо.

Белесые, пушистые тучки невесомо плыли на запад.

Путник вздохнул.

Вот так же совсем недавно, в то памятное воскресенье, лежал он на мелком сером волжском песке, прислушиваясь к умиротворяющему всплеску прибоя. Волны накатывались со слабым шипом, брызгали в него зеленоватой от прибрежного ила пеной. Рядом, с дюны, прыгала, кувыркаясь, орава мальчишек и девчонок. Песок, словно живое существо, шевелился под ним, сухо шуршал, и все вокруг приятно покачивалось, убаюкивало. Арно вдруг сорвался с места, побежал-понесся вдоль самой кромки, потом, ликующе смеясь, зашел в воду, зажмурился, пошлепал-пошлепал ладошкой по упруго вздымавшейся волне. Лида, испугавшись, бросилась за ним вдогонку. Малыш, увидев мать, замахал ручонками, залился звонким смехом, вприпрыжку побежал дальше, дальше. А Давид глядел на жену и сына и улыбался...

Потом как вихрем все завертело. Случилось то, что давно назревало и ожидалось.

Совершенно неожиданным, ошеломляющим, непостижимым было другое. И то не верилось, пока не прочитал собственными глазами — на русском языке в газете «Большевик» и на немецком — в газете «Нахрихтен» в черный четверг 30 августа 1941 года.

Думал ли он тогда, в то безмятежное, благостное воскресенье, последнее мирное для него и многих воскресенье, что так круто все изменится, что всех родных и близких, всех земляков степной и нагорной части Поволжья разметет в одночасье, как песчинки в бурю, и сам он вскоре очутится в неведомом краю и будет вот так лежать на берегу Ишима-реки, о которой он и не слышивал. С грустью подумалось: «Была в моей жизни Волга, широкая, раздольная, во многих песнях воспетая, предками возлюбленная, а теперь — Ишим. Надолго ли?.. Какую же судьбу уготовила мне эта незнакомая степная река?»

Тихо было у моста. Мальчик на том берегу застыл в терпеливой рыбацкой позе.

Чего же ждать? Попутной подводы может и не быть. Надо, пожалуй, двинуться в путь, пока еще солнце идет к зениту. Двадцать пять верст — не беда. В летной школе, во время учений, бывало, совершали марш-бросок и в два раза длиннее.

Он обулся, ту же затянул ремень, привычно закинул за плечи рюкзак, взял футляр. Пройдя по мосту, остановился на развилине дороги.

— Эй, рыбак!

Мальчик нехотя повернулся.

— Не знаешь, какая дорога в Кызыл-ту?

— Куда?!

— Ну, это... в Киз... Кыз... — Он достал из нагрудного кармана направление. — Ну, да... в Кызыл-ту.

— А-а-а... вона нижняя в казацкое село ведет.

— И далеко?

— До Каратала, кажись, километров тринадцать, а дальше — не знаю.

Путник немного постоял, подумал, потом, подправив на спине рюкзак, решительно пошел нижней, прибрежной дорогой.

Hänschen klein ging allein
in die weite Welt hinein...

Вот привязался маленький Гансик. И куда он только путь держал с малых лет? Какая напасть погнала его по белому свету? И где он пропадал целых семь лет? Неужто и ему, Давиду Эрлиху, предназначено семь лет мыкаться на чужбине?

Дорога бесконечно плутала, извивалась, окаймленная густым разнотравьем, то подолгу исчезала в тугайных зарослях, то ныряла в перелески, то вдруг вырывалась на простор. Зачарованная тишина прозрачной осени преследовала путника. Пахло палыми жухлыми листьями, свежескошенной травой. На открытых полянах впритык к дороге стояла перезревшая пшеница. Щетинистые колосья мерно покачивались. Местами пшеница была скошена, но еще не убрана. По жнивью гуртились вороны. Самодовольно, сыто каркали, время от времени отлетали прочь и снова слетались тучей. Одна из них, должно быть, старая-престарая, одиноко взгромоздилась на серый камень у обочины дороги и вперила свой холодный, недобрый зрак на путника. Когда он проходил в двух-трех шагах от нее, она повертела облезлой шеей, нехотя хлопнула разок-другой одним крылом, но тут же, видно, решила, что не стоит из-за первого встречного-поперечного трогаться с места. Путник улыбнулся: «Ишь, злюка

старая...» Иногда через дорогу прошмыгивали озабоченные суслики. У них тоже была страда: готовились, запасались к зиме. Из-за куста вынырнул тушканчик, встал на задние лапки, столбиком, повертел-повертел туда-сюда головой, потешно посучил передними ножками и во весь дух поскакал дальше.

Дорога все вилась, змеилась. Путник сильнее ссутулится, поправляет рюкзак и останавливается все чаще.

Позади загромычала телега. В широком, раздавленном коробке, сплетенном из тала, сидел, скрестив ноги, скуластый, узкобородый старик в плюшевом лоснящемся камзоле и с громадным треухом на голове. Пегая кобылка, поравнявшись с путником, сама вдруг остановилась, и старик скинул треух на колени, сдвинул на затылок тюбетейку и почесал голову.

— Эй, аман!

— Здравствуйте, — ответил на всякий случай путник.

Сильно шурясь, старик с головы до ног смерил путника.

— Куда... э-э... пошел?

— В Кызыл-ту.

Старик вытянул затекшие ноги, помял коленки.

— А? Зачем Кызыл-ту?

— Жить там буду, дедушка... Работать...

Путник улыбнулся доверчиво, по-детски, чуть грустно. И сам долговязый путник, и его открытая, добрая улыбка, и то, что он назвал его почтительно дедушкой, понравились старику. Разглядывая его, он засаленной тюбетейкой вытер потное лицо, шею и снова напялил, как бы приклеил ее на бледную плешивую макушку.

— Какой такой работа?

— Я фельдшер, — ответил путник и, видно, решив, что старик его не понял, добавил поспешно, — людей, больных лечить буду...

Старик оживился.

— А, першыл! Першыл очень надо. И в Кызыл-ту першыла нет, и в Коктереке першыла нет, и в Карачоке — кругом першыла нет. А першыла нет, так совсем дело плохо. Садись.

— Вы, значит, в Кызыл-ту?

— Э, в Кызыл-ту, Кызыл-ту. Поштабай я.

— Почто-бой?!

— Ия, ия... поштабай. Почту везу...

— А-а... Теперь ясно.

Путник швырнул на телегу рюкзак и сам примостился рядом, положив футляр на колени. Старик между тем, кряхтя, слез с телеги, постоял, покачиваясь на кривых ногах, потом враскачку подошел к кобыле, хлопал ее раза два по крупу, подтянул чересседельник и заковылял в сторонку. Повернувшись спиной к солнцу, не спеша, расшнуровал штаны с болтающейся мотней, опустил на одно колено. Справив нужду, также не спеша поднялся, завязал шнурок, залез на телегу и дернул вожжи.

Кобыла пошла ленивой трусцой. Старик лишь изредка подергивал вожжи, задумчиво смотрел вдаль, вздыхал каким-то своим мыслям, тянул «ия-я-я» и бормотал что-то непонятное. Спутник его, свесив длинные ноги, тоже глядел по сторонам и молчал.

Дорога, наконец, вырвалась из перелеска, пошла открытой степью. Слева тянулись бесчисленные, тронутые осенним багрянцем, колки — березовые, сосновые, осиновые, справа — до самого горизонта — колхозные поля.

Молчали. Только кобылка пофыркивала изредка да сильнее припадала на переднюю ногу. Старик дергал за вожжи, и пегая снова шла заученной трусцой.

Слева, на бугре, показалось кладбище. Рядом кучно стояли ветвистые осины — листья трепетали, поблескивая в лучах солнца. Вокруг стояла нетронутая, по пояс, трава.

Старик свернул с дороги, направил лошадь к кладбищу, но остановил ее на приличном расстоянии. Привязав вожжи к облучку, слез, взял трех под мышки и, не глядя на своего путника, тихо сказал:

— Посиди.

Спотыкаясь, он заковылял к кладбищу и чем дальше, тем все глубже утопал в траве, и вскоре одна только тубетейка мельтешила поверх зарослей. Потом, держась за поясницу, старик поднялся на бугор, остановился у крайней могилы под зеленой кущей, опустил на колени. С телеги его маленькая, согбенная фигурка была еле различима. Он долго сидел, вытянув перед лицом ладони, потом начал класть поклоны. Путник отвернулся, поду-

мав, что нехорошо, должно быть, наблюдать за молящимся человеком.

И снова затрусил кобыла по узкой, плотно накатанной дороге. Старик повернулся к спутнику. Тот сидел, согнувшись над футляром, ноги поджал. Все в нем было длинноватым: и руки, и ноги, и нос, и лицо. Рыжеват, худошав. Серые глаза смотрели устало.

— Э, першыл, ты один?

— Что, что? — почему-то краснея, переспросил путник.

— Баба и баранчук маленькой нету?

— А-а, — догадался путник и как-то сразу сник. — Есть. И жена, и сынишка.

— И где они?

— Там... дома остались...

Старик подумал, пощипал бородку.

— А сам откуда?

— Я?... Издалека...

«Неразговорчив этот долговязый орыс, — подумал про себя старик. — Наверное, силком заставили к нам ехать. Недолго в аулах першылы держатся. Приезжают — уезжают. И этот, видно, зиму кое-как перезимует, а весной сбежит. Или на фронт заберут. Да-а... так вот... солай...»

А путник подумал: «Надо бы, наверное, поговорить со стариком. Но о чем и как? Непонятный народ... Другой язык, другие нравы. Не смогу, видно, работать».

И от этих дум совсем тоскливо стало.

— Дедушка, а русские в вашем ауле есть?

— Орысов, спрашиваешь?

— Да, русских... Или у вас одни казахи?

— Э-э... орысов везде йес. Сколько в лесу деревьев, столько и орысов на свете йес.

Старик добродушно захихикал. Путник тоже улыбнулся неожиданному сравнению.

Дорога все плутала меж пушистоголового ковыля, то в низины спускалась, то вновь карабкалась на холмину. И кобыла, пофыркивая, потрухивала ровной, нудной рысцей. Солнце уже перебралось за Ишим к закату. Старик позевал-позевал и начал клевать носом.

— Скоро приедем, дедушка?

— Э, скоро, скоро, — ответил старик и подергал вожжи.

Опять обступили их березовые колки. Где-то постукивала молотилка. Из-за лесочка доносилось блеяние овец, тьяканье собак. Запахло дымком, кизяком. «Вот и приехали, наверное», — подумал путник. Кобылка пошла вдруг резвее. Выбравшись из низины, радостно заржала. Старик встрепенулся. Когда проехали крайний колок, показалось село. Путник вытянул длинную шею.

— Вот, першыл, наш аул. Смотри!

Серые убогие домишки выстроились в два ряда. Все крыши были покрыты дерном. Поверх пластов росли полынь, чертополох. В вечерних сумерках улица казалась непомерно широкой. К каждому дому был пристроен сарай, неизменно кончавшийся круглой, куполообразной постройкой из ивняка. Посередине аула тянулась цепочка деревьев. Там, сразу же за деревьями, возвышалось крытое железом большое деревянное здание. «Школа», — догадался путник. Аул раскинулся в низине. В двух-трех километрах темнел тугай. С холма за аулом спускалось стадо: коровы, овцы, козы.

— Красивый аул, — сказал старик. — Лучше нету.

Путник криво усмехнулся. Ему вспомнилось родное село — Манхайм, добротные дома, высокие заборы, крашенные ворота, неизменная летняя кухня — бакхауз. А далее за домом и бакхаузом находились почти у всех сельчан разные пристройки — хлебный амбар, птичник, конюшня, скотный двор для коров, бычков, телят, для овец и коз, сарай для верблюдов, а уж за этими основательными и ухоженными пристройками тянулся огород. Это было в степном селе Манхайм, далеко не самом зажиточном. А тут...

За стадом брел парнишка лет двенадцати. На нем был длинный, явно с чужого плеча, плащ, подпоясанный обрывком аркана. Увидев путников, мальчик звонко шелкнул бичом и, развевая подолом плаща, кинулся навстречу. Подбежав, быстро глянул на долговязого незнакомца и залопотал что-то быстро-быстро. Старик тихо ответил, погладил мальчика по голове. Тот сразу приуныл, отошел молча. Старик вздохнул, тронул лошадь.

— Это пастух-бала, — пояснил старик. — Дядю на фронт забрали. А писем все нет и нет. Совсем сирота...

— Как сирота?

— Э-э, — протянул старик, — атес-мамка нету, так сирота будешь...

У приземистого, скособоченного дома с длинным сараем лошадь остановилась. Дымел самовар, возле него на корточках сидела старуха в странном головном уборе, похожем на тюрбан.

— А где медпункт, дедушка?

— Медьпункыт заптра будет, — сказал старик, слезая с телеги. — Там ничего нету. Пустой дом.

Путник нерешительно потоптался возле телеги, держа в руке футляр. Старик взял рюкзак.

— Айда, першыд, в дом. Чай пить будем, спать будем. Ты устал, я устал. А завтра, аллах даст, новый день будет.

И, покачиваясь на кривых ногах, старик направился к двери. Путник чуть помешкал и, сутулясь, пошел за ним.

II

Еще с вечера Газизом овладело беспокойство: говорить жене или повременить? Сказать, конечно, придется, этого не утаишь, но как и когда... Вечером, за чаем, он твердо решил, что сообщит ей о предстоящей разлуке ночью. Ночь длинна, времени хватит на все, и на ласку, и на разговоры, вот тут-то он ей все и объяснит и успокоит. А днем, в суматохе, не получится. Не тот случай... Потом они непременно съездят в Алка-Агаш, к брату Маруар, и обстоятельно договорятся обо всем.

Опустилась на аул ночь, обволокла мраком их постель, и Газиз, в мыслях все тщательно обдумав, уже приготовился было к долгому и трудному разговору, но жена, по обыкновению положив голову ему на руку, уютно и доверительно прижавшись лицом к его груди, тут же уснула, и он не решился ей докучать. Ладно... как-нибудь подвернется удобный случай...

Он чувствовал: отяжелела Маруар, стан заметно округлился, да и устает больше прежнего. Ей бы сейчас, пожалуй, лучше дома посидеть, побереечь себя, и никто не осудил бы за это: как-никак жена самого аулная¹, да

¹ Искаж. *аульный*, так обычно называли в аулах председателя сельского совета.

еще в ожидании ребеночка. Но жена поднималась до рас­света, наспех готовила чай и спешила на ферму, откуда чаще всего возвращалась лишь после вечерней дойки. На ферме — известное дело — забот полон рот, больше, чем репейников на хвосте шелудивого пса. Да и вообще разве управишься когда с колхозной работой?.. Он остро­рожно погладил ее распушенную косу, с волнением вдыхая привычный запах молодого женского тела. Ни трой­ной одеколон, ни вазелин, ни густая сметана, которыми Маруар перед сном протира­ла и мазала натруженные, распухшие в суставах руки, не в состоянии были перебить пропитавшую ее насквозь стойкую смесь запахов солнца, дыма и парного молока. Он живо себе пред­ставил, как одиноко и тяжело ей будет оставаться одной в их хибарке, как она будет тосковать по нему, особенно по вечерам и ночами, и почувствовал вдруг такую острую жалость и нежность к ней, что знобкая дрожь прокати­лась по телу и глазам стало жарко. «Утром скажу, — решил он про себя. — Как проснется, так и скажу».

Он попытался и сам уснуть, но сон не шел.

Жизнь только-только налаживалась. Сын бедного Абельсеита после долгих мытарств наконец-то становился на ноги. Живя с детства на побегушках, не имея ни опоры, ни поддержки, он к тому времени, когда уже явно наметились усы, умудрился-таки окончить пять классов аульной школы. Грамотных людей в аулах почитали и превозносили, в них всюду нуждались, но сиротская доля и неизбывная бедность успели наложить свою печать: был Газиз угловат, робок, худ и невзрачен, и взрослые даже не называли его по имени, а просто обращались — «Эй, бала!» — «Эй, малец!» Правда, со временем в зави­симости от работы его называли уже то «счетовод-бала», то «секретарь-бала», то «бухгалтер-бала». Это стало надоедать. Он уехал в Кызыл-жар, поступил в педагогическое училище и, когда три года спустя вернулся в род­ной аул — стройный, окрепший, уверенный, в городском костюме, со стрижкой «полубокс» и даже при гал­стукe, — уничижительное, снисходительное «бала», на­конец-то, от него отлипло. Теперь его звали непременно по имени, часто с уважительно-почтительной пристав­кой «еке», а школьники, как и положено, — мугалимом-учителем.